

Л. В. Миндыбаева

ИЗОБРАЖЕНИЕ УСАДЕБНОГО ДОМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Детали дворянского усадебного дома составляют одну из сторон предметного мира произведений И. С. Тургенева. Г. Н. Поспелов отмечал: «Складывающийся из действия и отношений персонажей сюжет произведения представляет собой изменчивость их бытия — его „динамику”. Но большое значение в эпических произведениях часто получают и такие подробности бытия персонажей, которые менее изменчивы и представляют собой его „статичку”. Такковы детали наружности персонажей (их „портреты”), детали бытового уклада их жизни, а также видов природы („пейзажей”), среди которых протекает их жизнь, развертываются их действия и отношения».¹

Отбор деталей предметной изобразительности у Тургенева тесно связан с особенностями психологизма его произведений. Исследователи обратили внимание на то, что писателю была присуща сдержанность в изображении персонажей.² Тургенев прослеживал развитие внутренней жизни своих героев в соответствии со своим стремлением к ясности и четкости линий, чувством меры и гармонии. Поэтому для его произведений в значительной степени характерно равномерное распределение различных форм психологического анализа. Наряду с прямым раскрытием психологического процесса, писатель передавал самые разнообразные оттенки переживаний через детали внешнего, предметного мира, приобретающие вследствие этого психологическое звучание. В этом заключается причина подробнейшей детализации в пейзажных и портретных зарисовках, описаниях бытовой обстановки, окружающей героев.

¹ Поспелов Г. Н. Теория литературы. М., 1978. С. 100.

² См.: Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962; Батюто А. И. Тургенев — романист. Л., 1972; Курляндская Г. Б. Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972; Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев — художник слова. М., 1987.

Проблемы художественного мастерства Тургенева в создании пейзажа и портрета ставили в своих исследованиях многие тургеневеды. Гораздо в меньшей степени изучалось изображение усадебной обстановки в романах и повестях писателя. Рассматривая тему «дворянских гнезд» в широком историко-литературном контексте, Л. Н. Назарова еще в 1979 году указала на богатую традицию изображения усадьбы у русских писателей, в том числе у Тургенева.³ Несмотря на то, что важные акценты в разработке темы «дворянских гнезд» уже поставлены, совершенно очевидна необходимость специального изучения предметного мира русской усадьбы у Тургенева как одного из наиболее репрезентативных писателей этой темы. За рамками нашей работы остается изображение усадебного сада у Тургенева, поскольку оно связано с философскими воззрениями писателя на природу и требует отдельного исследования.

Тургенев хорошо знал русскую усадьбу XIX века. Самые первые и яркие впечатления от усадебной жизни он получил в Спасском-Лутовинове, где провел в общей сложности около 17 лет. Это годы детства, позднее — частые приезды на родину в летнее время. Усадьба в Спасском хранила следы жизни ушедших поколений, и Тургенев-художник это очень остро чувствовал. Усадебный дом с фамильными портретами, обширной библиотекой воплощал родовую память, само понятие «дворянского гнезда». Безмолвие и зеленый полумрак Спасского сада давали Тургеневу возможность созерцания природы, постижения ее безмерности и безграничности. Впечатления от жизни в усадьбе, многочисленные реалии Спасского писатель запечатлел в ранних стихотворениях и поэмах, отрывке «Собственная господская контора», повестях «Дневник лишнего человека», «Фауст», «Призраки», «Пунин и Бабурин», романах «Дворянское гнездо», «Новь» и некоторых других произведениях.

По соседству со Спасским в Орловской и Тульской губерниях находилось множество усадеб, в которых жили соседи и знакомые Тургенева. Приезжая в Спасское, писатель почти всегда посещал село Тургенево, родовое имение отца в Чернском уезде Тульской губернии, перешедшее к старшему брату Николаю Сергеевичу. В селе Тургенево находились Введенская церковь, усадебный дом, выстроенный братом, многочисленные хозяйские постройки, фруктовый сад, пересеченный липовыми и сосновыми аллеями. Из Спасского Тургенев ездил к Беерам в Шашкино, располагавшееся на крутом берегу реки Зуши и окруженное со всех сторон густым лесом. В усадьбе стоял господский дом, рядом с ним находились два фруктовых сада. По течению реки Снежедь также располагались несколько усадеб, знакомых Тургеневу. В Покровском жила Мария Николаевна Толстая, в Хитрово — Александр Антонович Дельвиг, в Лобаново — Василий Владимирович Каратеев. Тургенев бывал в Прямухино у Бакуниных, в Абрамцево у Ак-

³ Назарова Л. Н. Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX в. Л., 1979.

саковых, в Ясной Поляне у Толстых, в Степановке у Фета. Трудно перечислить все усадьбы, где побывал писатель и воспоминания о которых навсегда сохранил в своей памяти.

Еще при жизни Тургенева начался процесс угасания «дворянских гнезд». Этот процесс углублялся, поэтому в начале века любители усадебной старины начали собирать материалы для исторического и художественного описания русских усадеб. Так, владельцам усадеб рассылалась анкета следующего содержания: «Любители поместной старины задались целью собирать материалы для исторического и художественного описания русских усадеб. Таких трудов в настоящее время весьма мало, хотя многие усадьбы, и не только одни большие, часто хранят много драгоценных памятников художественных и исторических; исполнены нередко преданиями семейными и бытовыми; любопытны и когда служили местом жительства лиц исторических; иногда самим расположением своим составляют произведение искусства; весьма интересны и в отношении их современного состояния. А между тем время стирает следы прошлого и грозит лишить нас и будущие поколения достояния поколений минувших...».⁴

Тревога любителей поместной старины имела основания. Время, действительно, стерло с лица земли многие русские усадьбы, унесло описания хранившихся в них богатств. Именно поэтому особую ценность приобретают предметы усадебной жизни, воспроизведенные рукой такого мастера, как Тургенев. Созданные им замечательные по разнообразию и точности деталей описания «дворянских гнезд» можно без преувеличения назвать запечатленными в слове памятниками русской усадебной культуры.

Довольно распространены у Тургенева объективные описания «дворянских гнезд», охватывающие мельчайшие детали внешнего вида усадебного дома, его внутренних интерьеров, усадебных построек и т. д. Подобные описания встречаются уже в «Записках охотника»: усадьба Радилова («Мой сосед Радиллов»), усадьба Мардария Аполлоныча («Два помещика»), усадьба Софьи («Гамлет Щигровского уезда»), жилище Чертопханова («Чертопханов и Недопюскин»).

Самостоятельное значение приобретает воспроизведение типичной дворянской усадьбы в повести «Бригадир». Начинается повесть с вопроса: «Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять — тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина?».⁵ Следующее за этим подробное описание усадьбы, связанное с основной темой «Бригадира», сохраняет за собой до известной степени автономное место в повести.

Среди усадебных реалий Тургенев упоминает проточный пруд, сад с липовыми аллеями и зарослями смородины, малины, крыжовника, амбар, оранжерею, огород, плодовый сад, клумбы с цветами. Подробно

⁴ РГАДА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 375.

⁵ ПССиЛ(2). Соч. Т. 8. С. 39.

описывается и сам усадебный дом: «...господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стеклами в узких рамах, с покатою, некогда крашеной крышей, с балкончиком, из которого выпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголовой старой собакой в яме под крыльцом <...>. В самом доме всё немножко набок, немножко расшаталось — а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина; беловатые протоптанные дорожки бегут от дверей по крашеным полам; в передней чижи и жаворонки в крошечных клетках; в углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью: „Strike — silent“ <...>».⁶

Описание, открывающее повесть «Бригадир», может быть отнесено как к конкретной усадьбе, в которую приехал рассказчик, так и к любой дворянской усадьбе «великорусской Украйны» 30-х—начала 40-х годов XIX века. Чрезвычайно важны для Тургенева указания на время и место действия. Прибегая к подобным соотношениям, писатель донес до потомков представление о реалиях русского усадебного быта, многое из которого безвозвратно утрачено.

Подобная детализация не превращает объективные описания в фотografiю с действительности или в сухой перечень предметов конкретной усадьбы, который можно встретить в архивных бумагах. Дворянские усадьбы у Тургенева хранят человеческое тепло, даже если изображаются автором с известной долей отстраненности. Протоптанные по полам дорожки, птицы в клетках, портреты хозяев в повести «Бригадир» — все это следы жизни обитателей усадьбы. Тесная связь усадьбы и человека дает писателю возможность через предметные детали акцентировать те или иные стороны характеров персонажей и создавать определенный эмоциональный настрой.

В романе «Дворянское гнездо» Тургенев мастерски использует детали быта для выявления существенных черт жизни персонажей. Повествование об Андрее и Петре Лаврецких, не принадлежавших к числу просвещенных дворян, сопровождается изображением глухого, темного патриархального быта, мрачных преданий. Под стать «простому степному барину», «хлебосолу и псовому охотнику» Петру Андреевичу Лаврецкому, — пишет Тургенев, — были его «обширные, теплые и неопрятные хоромы».⁷

Этот затхлый патриархальный быт становится чуждым сыну Петра Андреевича Ивану Лаврецкому, воспитывавшемуся у княжны Кубенской в обстановке, ориентированной на Францию. Конфликт Ивана Лаврецкого с отцом, имеющий глубокие психологические основания, писатель раскрывает в основном в бытовой сфере: «Грязно, бедно, дрянно показалось ему (Ивану. — Л. М.) его родимое гнездо; глушь и копыт степного житья-бытья на каждом шагу его оскорбляли <...>».

⁶ Там же. С. 39—40.

⁷ Там же. Т. 6. С. 29.

Отцу не нравились его столичные привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, в которой недаром чуялась ему гадливость; он то и дело жаловался и ворчал на сына. „Всё здесь не по нем, — говаривал он, — за столом привередничает, не ест, людского запаху, духоты переносить не может, вид пьяных его расстраивает, драться при нем тоже не смей, служить не хочет <...>”». ⁸

У княжны Кубенской Ивану Лаврецкому была привита тяга к чужеземной культуре при неглубоком ее освоении. Поэтому, возвратившись из-за границы в Россию англоманом, он изгнал из патриархальной усадьбы все, что было характерно для XVIII века, и завел новые порядки, сообразуясь со своими вкусами и привычками: «В доме точно произошли некоторые перемены: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанию; в числе их пострадали две старухи, одна — слепая, другая — разбитая параличом, да еще дряхлый майор очаковских времен <...>. Также вышел приказ не принимать прежних гостей: всех их заменил дальний сосед, какой-то белокурый золотушный барон, очень хорошо воспитанный и очень глупый человек. Появились новые мебели из Москвы; завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики; завтрак стал иначе подаваться; иностранные вина изгнали водки и наливки; людям пошили новые ливреи; к фамильному гербу прибавилась подпись „In recto virtus...”». ⁹

Широко изобразив предметно-бытовую среду, в которой живут представители рода Лаврецких, писатель показал два различных отношения к усадебной культуре. Если в одних случаях (Андрей и Петр Лаврецкие) речь идет о темном, чуждом просвещения патриархальном быте, то в других (Иван Лаврецкий) — о поверхностном усвоении чужой культуры и полной оторванности от русской национальной почвы. Не случайно поэтому описания быта Лаврецких окрашиваются в иронические тона. Соединить на бытовом уровне русское национальное начало и элементы западноевропейской цивилизации сумеет представитель иного поколения Лаврецких — Федор Иванович Лаврецкий. Об этом речь пойдет дальше.

Иногда Тургенев показывает своеобразные «островки» какой-либо эпохи в совершенно чуждом этой эпохе временном пространстве. Алексей Сергеевич и Маланья Павловна Телегины (рассказ «Старые портреты»), живущие в XIX веке, по складу характера остались людьми XVIII столетия.

Повествование об Алексее Сергеевиче и Маланье Павловне начинается с изображения бытовой обстановки. У Телегиных был старинный дворянский дом: «Одноэтажный, с громадным мезонином, построенный в начале нынешнего столетия из удивительно толстых сосновых бревен — такие бревна привозились тогда из-за жиздринских боров, их теперь и в помине нет! — он был очень обширен и вмещал множество

⁸ Там же. С. 30.

⁹ Там же. С. 38—39. «В законности — добродетель...» (лат.).

комнат, довольно, правда, низких и темных; окна в стенах были прорублены маленькие, теплоты ради». ¹⁰ Господский дом окружали дворовые избы, службы. Примыкал к дому «небольшой, но с хорошими фруктовыми деревьями, наливными яблоками и бессемянными грушами» сад. ¹¹

Дом был наполнен «заурядно, нехитрою мебелью», на окне залы стоял верстовой столбик с надписями: «Если ты 68 раз пройдешь во-круг сей залы — то сделаешь версту; если ты 87 раз пройдешь от край-него угла гостиной до правого угла биллиарда — то сделаешь версту» и т. п. ¹² По стенам висело множество картин «большей частью работы так называемых итальянских мастеров: всё какие-то старинные пейзажи да мифологические и религиозные сюжеты». В гостиной почетное место занимал «портрет императрицы Екатерины II во весь рост, копия с известного портрета Лампи», а в кабинете Алексея Сергеевича висело «родословное дерево Телегиных, очень ветвистое, со множеством кружков в виде яблоков, в золотой раме». ¹³

Дом Телегиных по своей архитектуре и внутреннему наполнению, безусловно, принадлежит XVIII столетию, хотя и был выстроен в нача-ле XIX века. Своеобразной «доминантой» среди вещей дома можно на-звать портрет Екатерины II, «предмет особого поклонения, можно сказать, обожания хозяина». ¹⁴ Телегины сохранили сознательную при-верженность екатерининским временам. Это находит отражение не только в деталях усадебного быта, но также в привычках и вкусах хозя-ев, делающих их странными в глазах окружающих.

В бытовом смысле Телегины живут во времени, которое давно про-шло. Тонкий юмор, которым проникнуто повествование, подчеркивает чужаковатость героев, но не снижает их. Телегиным присуще глубокое внутреннее добросердечие, проявляющееся в отношении друг к другу, дворовым, крепостным, приживальщикам, нищим, больным, карлику Янусу, сумасшедшему князю Л. В общечеловеческом смысле Телегины совсем не отстали от времени, поскольку являются носителями непре-ходящих духовных ценностей: любви, доброты, сострадания к людям. Именно поэтому сами герои и окружающая их обстановка, которые мо-гут показаться современнику рассказчика странными, даются писате-лем в утверждающем освещении.

Таким образом, объективные описания усадеб в произведениях Тур-генева характеризуют среду, в которой живут и действуют персонажи, воспроизводят ту или иную эпоху в ее предметных проявлениях. Мир человека и мир вещей в таких описаниях, сохраняя автономность, всту-пают в косвенное взаимодействие между собой. Внешняя действитель-

¹⁰ Там же. Т. 10. С. 7—8.

¹¹ Там же. С. 8.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 8.

ность, воздействуя на человека, его мысли, чувства, сама нередко «очеловечивается».

Описание усадьбы в повести «Фауст» в этом смысле особенно показательно. Оно дается через призму восприятия героя: «Вот я опять в своем старом гнезде, в котором не был — страшно вымолвить — целых девять лет. <...> Право, как подумаешь, я точно другой человек стал. Да и в самом деле другой: помнишь ты в гостиной маленькое, темненькое зеркальце моей прабабушки, с такими странными завитушками по углам, — ты всё, бывало, раздумывал о том, что оно видело сто лет тому назад, — я, как только приехал, подошел к нему и невольно смутился. Я вдруг увидел, как я постарел и переменялся в последнее время. Впрочем, не я один постарел. Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю».¹⁵

Предметы усадьбы хранят память не только о материальной, но и о духовной жизни ушедших поколений, немymi свидетелями которой они были. Это книги из родовой библиотеки, зеркальце прабабушки, в которое смотрелись жившие когда-то предки героя, женский портрет, названный портретом Манон Леско: «Он немного потемнел в эти девять лет; но глаза глядят так же задумчиво, лукаво и нежно, губы так же легкомысленно и грустно смеются, и полуощипанная роза так же тихо валится из тонких пальцев».¹⁶

Встреча с родным гнездом после долгого отсутствия окрашивает настроение героя в ностальгические тона. Покривившийся и вросший в землю домишко, состарившиеся слуги со всей остротой заставляют его ощутить быстротечность времени. Запах старого дома, знакомые с детства вещи вызывают воспоминания прожитых лет, погружают героя в состояние душевной тишины и сладкой грусти, из которого он не хочет выходить. Внутреннее состояние героя повести настолько органически сливается с окружающим его миром вещей, что человек и дом становятся как бы двумя зеркалами, отражающимися одно в другом.

В романе «Дворянское гнездо» писатель сумел достичь необыкновенно высокого мастерства в раскрытии душевной жизни персонажей посредством предметных деталей усадебного дома. Для духовно богатых персонажей характерно «слияние» с окружающим предметным миром, который они творят по своему образу и подобию, поэтому на самые обыденные вещи ложится отблеск их духовности. Интересно складываются «взаимоотношения» героев с незнакомой или давно покинутой усадьбой, связанной с фамильными преданиями, родовой памятью. Такая усадьба не может оставить человека эмоционально равнодушным, вызывает в нем самые разнообразные ощущения и переживания. В результате душевной работы, духовного напряжения герой постепенно достигает гармонии с окружающей его средой.

¹⁵ Там же. Т. 5. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 92.

Приехав в Васильевское после пережитой личной драмы, Лаврецкий подумал: «Вот я и дома, вот я и вернулся».¹⁷

Вместе с тем он некоторое время ощущает себя гостем в этом далеко не чужом ему доме. Писатель передает состояние героя через выразительную художественную деталь. Лаврецкий пьет чай из чашки с изображением игорных карт, которую помнил еще с детства: «...из нее пили только гости, — и он пил из нее, словно гость».¹⁸

В пространном описании усадебного дома авторский взгляд совпадает с видением героя, которое носит пока еще отстраненный характер: «Лаврецкий обошел все комнаты и, к великому беспокойству старых, вялых мух с белой пылью на спине, неподвижно сидевших под притолоками, велел всюду открыть окна: с самой смерти Глафиры Петровны никто не отпирал их. Всё в доме осталось, как было: тонконогие белые диванчики в гостиной, обитые глянцево-серым штофом, протертые и продавленные, живо напоминали екатерининские времена; в гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, с высокой и прямой спинкой, к которой она и в старости не прислонялась. На главной стене висел старинный портрет Федорова прадеда, Андрея Лаврецкого; темное, желчное лицо едва отделялось от почерневшего и покоробленного фона; небольшие злые глаза угрюмо глядели из-под нависших, словно опухших век; черные волосы без пудры щеткой вздымались над тяжелым, изрытым лбом. На угле портрета висел венок из запыленных иммортелей».¹⁹

Федор Лаврецкий никак не может привыкнуть к глухому усадебному быту, к тому, что после смерти Глафиры Петровны время в доме будто остановилось. Герой начинает прислушиваться к тихой деревенской жизни, которая «текла неслышно, как вода по болотным травам».²⁰ Созерцание окружающей жизни, погружение в нее, слияние с ее ритмом рождает в душе героя «чувство родины». Горестные переживания уходят в прошлое, появляются силы жить дальше.

После происшедшего духовного перелома Лаврецкий производит в Васильевском перемены, чтобы приостановить умирание усадьбы, вдохнуть в нее жизнь. Как человек, впитавший европейскую культуру, он стремится сделать жизнь более удобной и цивилизованной. «В течение двух недель Федор Иванович привел домик Глафиры Петровны в порядок, расчистил двор, сад; из Лавриков привезли ему удобную мебель, из города вино, книги, журналы; на конюшне появились лошади; словом, Федор Иванович обзавелся всем нужным и начал жить — не то помещиком, не то отшельником».²¹ Для приглашенного в Васильевское Лемма было привезено фортепьяно.

Вместе с тем новые порядки Федор Лаврецкий заводит не так, как это делал некогда его отец-англоман в дедовской усадьбе. Он сохраняет

¹⁷ Там же. Т. 6. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 63.

¹⁹ Там же. С. 61—62.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же.

все, что связано с жизнью предков, что в нем самом будит воспомина- ния о прошлом. Перебирая скорб Глафиры Петровны, герой среди проч- их вещей находит «таинственную книгу» Максимовича-Амбодика «Символы и эмблемы», которую любил рассматривать в детстве, а так- же портреты отца и матери. «В пакете лежали лицом к лицу пастелевый портрет его отца в молодости, с мягкими кудрями, рассыпанными по лбу, с длинными томными глазами и полураскрытым ртом, и почти стертый портрет бледной женщины в белом платье, с белым розаном в руке, — его матери».²² Старые слуги не изгоняются Лаврецким, оста- ются в доме. Герой с удовольствием слушает рассказы Антона о «ста- родавних временах», о Глафире Петровне, Андрее и Петре Лаврецких.

Федор Иванович избегает тех крайностей, которые были присущи бытовому укладу предков. Для него в равной степени неприемлемы как своеобразная законсервированность, застойность патриархального бы- та, так и бездумное введение в русскую усадьбную жизнь чужеродных элементов. Герой обновляет Васильевское, не прерывая связь времен.

Раскрывая значение изображаемых Тургеневым «дворянских гнезд» как своеобразных очагов культуры, Л. Н. Назарова обратила внимание на наиболее часто повторяющиеся детали усадьбного дома: фамильные портреты, фортепьяно, книги из фамильных библиотек.²³ Перечисленные детали являются проводниками духовного опыта про- шлого, оказывающими воздействие на развитие интеллектуальной и эмоциональной сфер человеческой личности.

По силе воздействия на человека портрет занимает особое место среди предметов усадьбного дома. В произведениях Тургенева портре- ты оживают, становясь своего рода персонажами повествования. В по- вести «Фауст» несколько раз упоминается портрет матери Веры Нико- лаевны Ельцовой. Первые впечатления героя повести от портрета передаются следующим способом: «В гостиной, над диваном, висит портрет этой странной женщины, поразительно схожий. Он мне бро- сился в глаза, как только я вошел. Казалось, она строго и внимательно смотрела на меня. Мы уселись, вспомнили про старину и понемногу разговорились. Я поневоле то и дело взглядывал на сумрачный портрет Ельцовой».²⁴

Спустя некоторое время между Ельцовой, не позволявшей дочери читать произведения изящной словесности, и Павлом Александрови- чем, познакомившим Веру Николаевну с «Фаустом», происходит сво- его рода поединок: «На другое утро я раньше всех сошел в гостиную и остановился перед портретом Ельцовой. „Что, взяла, — подумал я с тайным чувством насмешливого торжества, — ведь вот же прочел тво- ей дочери запрещенную книгу!” Вдруг мне почудилось... ты, вероятно, заметил, что глаза *en face* всегда кажутся устремленными прямо на зри- теля... но на этот раз мне, право, почудилось, что старуха с укоризной

²² Там же. С. 66.

²³ Назарова Л. Н. Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX в. С. 91—130.

²⁴ ПССиП(2). Соч. Т. 5. С. 101.

обратила их на меня».²⁵ Портрет создает полное ощущение присутствия в повести еще одного персонажа — матери Веры Николаевны, оказавшей глубокое влияние на свою дочь и в чем-то предопределившей ее судьбу.

Не меньшее значение имеет изображение портретов в повести «Три портрета». Рассказчик «оживляет» полотна, за которыми встают судьбы Ольги Ивановны, Василия Ивановича Лучинова и Павла Афанасьевича Рогачева. Происходит настолько тесное «сращение» портрета и человека, что портрет становится своеобразным двойником персонажа. Убив Рогачева, Лучинов «вынул шпагу и проколол, на месте сердца, портрет Павла Афанасьевича».²⁶ Наиболее глубокие переживания героев бывают связаны с фамильными портретами, воплощающими родовую память. Фамильные портреты воскрешают семейные предания, доносят до потомков черты не только внешнего облика, но и духовного склада запечатленных на них людей.

Музыка становится душевной потребностью многих героев Тургенева, сопровождая их в самые напряженные моменты жизни: незнакомка («Три встречи»), Марья Павловна («Затишье»), Марья Александровна («Переписка»), Пасынков («Яков Пасынков»), Наталья («Рудин»), Лиза («Дворянское гнездо»), Марианна («Новь») и др. Не случайно поэтому среди вещей усадебного дома почти всегда упоминается фортепьяно. Вот, например, как описывает Тургенев состояние Натальи Ласунской перед ее встречей и объяснением с Рудиным в саду. «На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Накануне она была очень молчалива до самого вечера, втайне стыдилась слез своих и очень дурно спала. Сидя, полуодетая, перед своим маленьким фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные <...> то приникала лбом к холодным клавишам и долго оставалась неподвижной».²⁷

На страницах тургеневских произведений рассыпаны описания старинных книг и журналов в кожаных переплетках, хранившихся в фамильных библиотеках дворянских усадеб. Среди них — рукописный «Кандид», «Торжествующий хамелеон», «Символы и эмблемы», «Фауст» Гёте, календари, сонники и т. д. Фамильные библиотеки превращали «дворянские гнезда» в средоточия духовности и культуры. В героях Тургенева книги вызвали богатые реминисценции из собственной жизни и жизни предков, теснее сближая их с родовым гнездом. Герой повести «Фауст», например, пишет своему другу: «Попались мне детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматике, в пестром переплете, написано крупными буквами: *Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavrine* и выставлен год — 1741».²⁸

Несмотря на приверженность родовым связям, культуре прошлого, человек в произведениях Тургенева остается открытым миру. Эту от-

²⁵ Там же. С. 109.

²⁶ Там же. Т. 4. С. 107.

²⁷ Там же. Т. 5. С. 262.

²⁸ Там же. С. 93. „Эта книга принадлежит девице Евдокии Лавриной” (франц.).

крытость писатель показывает через исчезновение границ между домом и садом. Окно и терраса, так часто упоминаемые Тургеневым, разрушают границу между миром вещей и миром природы.

Окно притягивает к себе умирающего Авенира; с террасы дома Софьи смотрит в сад Василий Васильевич, погружаясь в сладкие мечтания; у раскрытого окна дома Ласунской Рудин наблюдает ночь, которая «и нежилая и нежила»;²⁹ из окна дома Сипягиных видит Нежданов раскинувшийся перед ним «черноземный сад».³⁰ Иногда точка наблюдения меняется, и герои из сада видят происходящее в доме или догадываются о том, что там происходит («Три встречи», «Фауст», «Дворянское гнездо»).

Дом и сад по-разному воздействуют на человека, создают разное настроение, порождают разные психические реакции. Если восприятие дома связано с воспоминаниями о жизни прошлой, уходящей, то вечно обновляющаяся природа вселяет в человека мысли о настоящем и будущем. Гармония духовно развитых персонажей с окружающей их предметной средой и миром, сопричастность жизни прошлой и настоящей дают им новые жизненные силы.

Повесть «Затишье» построена на взаимопроникновении мира усадебного дома и мира природы. Через окно писатель показывает совершающиеся в саду таинственные события. Дом, сад и небо собираются как бы в один фокус: «Марья Павловна села за стол разливать чай, а Надежда Алексеевна подошла к двери террасы и стала глядеть в сад. После светлого летнего дня наступил ясный и тихий вечер: заря пылала; до половины облитый ее багрянцем, широкий пруд стоял неподвижным зеркалом, величаво отражая в серебристой мгле своего глубокого лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутые, как бы почерневшие деревья, и дом. Всё замолкло кругом. Шума уже не было нигде.

— Посмотрите, как хорошо, — сказала Надежда Алексеевна подошедшему к ней Владимиру Сергеичу, — вон там, внизу, в пруде звезда зажглась подле огонька в доме; он красный, она золотая».³¹ Звезда и дом, отраженные в пруду, становятся двумя частицами в безграничном космосе.

Таким образом, предметно-бытовая среда изображаемого Тургеневым усадебного дома характеризует как уклад жизни персонажей, так и выполняет психологическую функцию, углубляя портретную достоверность образа. В более широком смысле она воплощает родовую память, культурные истоки, открывает человеку перспективы в природный мир.

²⁹ Там же. С. 228.

³⁰ Там же. Т. 9. С. 171.

³¹ Там же. Т. 4. С. 400.